

Не будьте Гаурдака
Волшебный горшочек
Гийядина

6

Светлана Багдерина

Не будите Гаурдака

Светлана Багдерина

Волшебный горшочек Гийядина

«ИП Стрельбицкий»

Багдерина С.

Волшебный горшочек Гийядина / С. Багдерина — «ИП Стрельбицкий», — (Не будите Гаурдака)

ISBN 978-5-04-017181-1

Калиф Ахмет Гийядин Амн-аль-Хасс – единственный Наследник, принявший своих новых товарищей с распростертыми объятиями. Но только в объятиях ведь можно и задушить – в чем очень скоро гости калифа убедятся на собственном опыте. Как можно забрать с собой человека, который сопротивляется, расшвыривая воинов и чародеев как кукол? И откуда у их старого знакомого Ахмета вдруг появились магические способности? Всемирный закон: если на вопросы не находится ответов, если всё идет наперекосяк, если понять ничего невозможно – ищите женщину.

ISBN 978-5-04-017181-1

© Багдерина С.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Светлана Багдерина

Волшебный горшочек Гийядина

В чистом небе Шатт-аль-Шейха, выбеленном обжигающим полуденным солнцем как прошлогодние кости в Перечной пустыне – ни облачка, ни дымки, ни тени. Слабый чахоточный ветерок, апатично вздохнув пару раз утром, пропал, словно его и не было в благословенном калифате от веку веков. И с восходом над городом разлилась и заняла свое привычное место ее величество жара, щедро покрывшая дрожащей марью улицы, переулки, дома, фонтаны, колодцы, лавки, мастерские, караван-сарай, чайханы и базары – вечные и шумные, как водопады, хоть и не видимые отсюда, с северной сигнальной башни дворца – одним словом, весь древний славный город на берегу реки Шейх.

Селим Охотник, грузный старый стражник, утер пот большим носовым платком с коричневого лба, изрезанного арыками глубоких морщин, и потянулся к притулившейся в углу навеса фляжке. Вода в ней, несомненно, за долгие часы караула успела согреться и разве что не вскипеть, но другой у него всё равно не было, а если философски подойти к этому вопросу, то на полуденном зное вода горячая и безвкусная гораздо лучше, чем воды никакой.

Конечно, можно было рискнуть и сбегать вниз – набрать искрящейся в лучах живой влаги из крайнего фонтана у подножия башни – воду туда подавали из подземного резервуара, питаемого родниками – но в свете последних событий во дворце ветеран предпочел бы остаться вовсе без воды, чем быть замеченным внизу во время дежурства на башне.

Хотя, конечно, какое там дежурство – сплошная дань традициям:¹ кто в своем уме и среди бела дня станет подавать какие-нибудь сигналы, бунтовать или нападать в самое жесточайшее пекло, да еще в преддверии сезона песчаных бурь? А сотнику нашему Хабибулле всё едино, что халва, что гуталин, лишь бы караул-баши отрапортовать: за подотчетный период прошедшего времени входящих сообщений не поступало, исходящих не исходило, актов гражданского неповиновения совершено в количестве ноль мероприятий...

Жарко... какое тут неповиновение... в тень забраться и вздремнуть – вот и весь предел народных чаяний... пока сотник не видит... и шлем можно снять... на колени положить... покуда мозги окончательно под ним не запеклись... а как шаги его по лестнице услышу... так сразу... так сразу... и...

– Добрый день! Извините, вы не подскажете, как найти калифа?

Шлем, пика, сабля, фляжка со звонким грохотом брызнули в разные стороны, Селим вскочил, панически моргая невидящими, залитыми сном глазами, сыпля междометиями и размахивая руками в поисках нарушителя его сиесты. И тут в разговор вступил второй голос, донесшийся не снизу, с лестницы, а откуда-то сверху, как и первый, если спокойно вспомнить:

– Я ж тебе говорила, сначала по плечу надо было похлопать, а ты – «испугается, испугается...»

«Если бы меня среди тишины и чистого неба кто-то похлопал бы по плечу, я бы тогда точно не испугался», – уверенно подумал стражник, напяливая задом наперед трясущимися руками медный шлем с потисканным фазаньим пером. – «Я бы тогда просто не проснулся». А вслух спросил, напуская вид на себя суровый и грозный, насколько оставшихся сил душевных и опыта небоевого хватало:

– А вы кто такие, а? По какому такому делу к его сиятельному величеству без разрешения заявляетесь?

¹ Или, учитывая состояние караульных на пяточке в несколько квадратных метров под символическим матерчатым навесом, скорее, жертвоприношение.

– По государственному, – не менее сурово и грозно проговорил с ковра-самолета огромный рыжий детина в рогатом шлеме, увешанный топорами как новогодняя пальма – шоколадными тушканчиками.

Селим понял, что его грозность по сравнению с этой грозностью – радостный детский смех, погрузнел заметно, но мужественно предпринял последнюю попытку:

– Если дело ваше недостаточно государственное – берегитесь! С его сиятельным величеством шутки плохи!

– У него нет чувства юмора? – ангельский голосок северной девы такой же ангельской внешности, прозвучавший из-за плеча рогатого монстра, заставил Охотника² позабыть обо всем и захлопать глазами.

– Э-э-э... нет?.. Есть?.. Не знаю?.. – сулейманин пал под ударным воздействием глаз прекрасной чужеземки, голубых, как озера Гвента, и расплылся в умильной улыбке. – Лик твой, подобный луне, о младая гурия, затмевает своей красотой полуденное солнце!

Луноликая дева из радужных грёз,
Разреши мне задать самый важный вопрос:
Ты, явившись с небес, мне слегка улыбнулась —
Это шутка была, или это всерьёз?³

– И вовсе у меня лицо не круглое, – обиделась неожиданно для Селима младая гурия и капризно спрятала луноликую физиономию за спину упитанного светловолосого человека в чалме из полотенца набекрень и с арфой наперевес.

– Короче, дозорный-кругозорный, где нам вашего калифа сейчас лучше искать? – из-за плеча другого северянина – худощавого и сероглазого, в широкополой соломенной шляпе, выглянул с вопросом по существу не то отрок, не то девица.

– Раньше в это время его сиятельное величество калиф Ахмет Гийядин Амн-аль-Хасс, да продлит Всевышний его годы, искал уединения в Восточном Саду Роз в обществе придворных мудрецов и звездочетов...

Голос Селима нерешительно замер.

– А сейчас? – поинтересовался человек в песочного цвета балахоне и такого же цвета шляпе с широкими, загнутыми по бокам полями, молчаливо до сих пор лежавший в обнимку с длинной палкой.

– Сейчас... кто его знает?.. – старый стражник нервно оглянулся по сторонам и посмотрел в лестничный проем. – В последние несколько дней... его привычки... несколько... поменялись... Да останется неизменной его удача и благоденствие!

– А что случилось? – заинтересованно спросил рогатый.

– Он заболел? – озабоченно нахмурился сероглазый.

– Сменил хобби? – предположил лежачий.

– Влюбился? – выглянула из-за музыканта как из-за тучки не сердитая больше луна.

– Э-э-э, не-е-ет. Тут дела запутанней были...

– Какие? – с нетерпеливым интересом воззрилась на него Эссельте.

Старый стражник оглянулся по сторонам, как будто летающие на коврах-самолетах люди посреди сулейманской столицы были делом обыденным, словно песчаная буря в июне, прислушался, не скрипит ли лестница внизу под ногами сотника, откашлялся, и заговорщицки понизив голос, спросил:

– Вы по пути сюда голову у главных ворот дворца видали?

² Не в последнюю очередь получившего свое прозвище из-за слабости к женскому полу.

³ Здесь и далее Селима «озвучивал» стихами Дмитрий Казанцев.

– Чью? – любопытствовал Кириан.

– Злого колдуна! – с гордостью и торжеством выпалил Охотник, словно отделение головы злого колдуна от всего остального злого колдуна было его персональной заслугой.

– Д-да? – скептически процедил сквозь зубы Агафон. – Знаю я ваших злых колдунов... Поймают какого-нибудь полоумного шептуна, который якобы порчу на соседских кур наводил, и вот вам – злой колдун готов! Оторвем ему голову, и будем герои!

– А вот и нет! – ревностно выпятил Селим покрытую стальными пластинами грудь. – Этот был самый настоящий! Даром, что молодой – говорят, едва за двадцать перевалило!

– Веков? – знакомый со сроками жизни волшебников лишь по сагам, преданиям и Адалету, уточнил Олаф.

– Лет! – взмахнув руками, словно отгоняя дух почившего несладким сном колдуна, воскликнул стражник. – Ему, дурню, по девкам надо было еще бегать – стихи сочинять, под окнами на дутаре брэнчать по ночам, ленты дарить да халву, а он туда же...

– И что – прямо в двадцать, и прямо злой? – всё еще недоверчиво, не слишком убежденная страстной речью сулейманина, проговорила Серафима.

– Да еще какой!!! – Селим вытаращил для убедительности глаза и встопорщил усы. – Караул-баши позавчера на политинформации рассказывал, что этот самый колдун наводил черные чары на нашего пресветлого калифа, да продлит премудрый Сулейман его годы – и на весь дворец!

– Врет, – решительно фыркнул Агафон.

– Чистая истина!!! – грохнул себя стражник кулаком в грудь. – Самолично подтверждаю!!! Вы-то не видели и не знаете, а у нас ребята, которые повпечатлительней, ночью в караул ходить отказывались!!! Тут у нас с заходом солнца такое творилось... такое... такое!..

– Какое?.. – замороженно выдохнула Эссельте в сладком ожидании дивной и страшной истории.

И не ошиблась.

– Вещи, люди летали вверх тормашками! Вода из бассейнов и фонтанов выплескивалась! – захлеб принялся перечислять Охотник, старательно загибая пальцы левой руки при помощи правой. – Земля под ногами дрожала! На кухне – что ни ночь, то пожар!..

Впечатленные путешественники переглянулись и поджали губы в дружном согласии. Летящие вверх тормашками люди, выплескивающаяся вода вкупе с землетрясением и пожаром папахивали черным магом вполне определенно.

– ...А потом это дитя гиены и шакала еще и пришло требовать, чтобы его взяли на службу придворным волшебником, а взамен, дескать, так и быть, он перестанет на нас колдовать! Милость окажет!

– И ему отрубили за это голову, – подытожила Эссельте.

– Ага! – довольный, что его мысль наконец-то была понята, радостно закивал ветеран, умильно взирая на луноликую гурию.

– И все безобразия тут же прекратились? – спросила Сенька.

– Как отрезало! – заверил Селим и чиркнул большим пальцем себе по шее.

– А вот не надо было его казнить, – запоздало подал строгий голос Агафон, словно задумавшийся о чем-то ранее.

– Это почему еще?.. – ошарашенно заморгал сулейманин и, на всякий случай, попятился, нащупывая у стены алебарду.

– Взяли бы его на работу, оклад положили хороший, глядишь, от других бы колдунов защищать вас стал, – то ли из упрямства, то ли из профессиональной солидарности его премудрие предложил свой вариант разрешения трудового спора.

– А-а, вы про это!.. – с некоторым облегчением перевел дух Охотник. – Так на кой такыр его сиятельному величеству при дворе два чародея?

– Так у него один уже был? – удивленный таким поворотом сюжета, поднял брови волшебник.

– Ну да!

– И какая с него польза, если он не мог с тем колдуном справиться?

Селим внезапно посуровел.

– Какая от кого тут польза – не мне решать! Вот предстанете пред ликом его сиятельного величества, у него и спросите, если уж вас это так волнует! И вообще – разговорились вы тут что-то, я смотрю! Лицо при исполнении отвлекаете! Вместо того чтобы по инстанциям перемещаться!

– Что у тебя тут, Селим, за собрание? – вслед за скрипом разошедшихся ступенек донесся снизу, из лестничного проема, слегка подозрительный и более чем слегка недовольный хриплый голос.

– Воздушные путешественники по важному делу к его сиятельному величеству калифу Ахмету Гийядину Амн-аль-Хассу, господин сотник! – рьяно отрапортовал стражник, вытягиваясь во фронт.

– Воздушные?.. – из квадратного проема люка показалась сначала кольчужная чалма начальника Селима, потом грозно насупленные брови, почти закрывающие мечущие громы и молнии глаза, затем – крючковатый мясистый нос над искривившимися в высочайшей степени неодобрения толстыми губами. – А почему ты до сих пор ко мне их не направил? А, подлец? Сказки им тут рассказываешь? Сплетни распускаешь? Слухи мусолишь?

– Никак нет, господин сотник! Описывал им место вашего нахождения, господин сотник! Только что подлетели, господин сотник! – во все пересохшее от страха горло отрапортовал Охотник и испуганно замер, как кролик перед удавом.

– Зна-аю я тебя, Охотник... – ничуть не умиротворенный, протянул начальник караула, ухватился за перила и тяжелым рывком полностью извлек себя на смотровую площадку. – Соврешь – недорого возьмешь. Всё тебе неймется, блоха ты верблюжья. Стихоплётец... Все вы такие... трепачи безмозглые... Распустились... языки распустили... бездельники... дармоеды...

– Кстати, о бездельниках. Мы как раз собирались отправиться на твои поиски, – конунг поспешно вклинился в обвинительную речь командира, дипломатично выгораживая попавшего в немилость разговорчивого, но невезучего охранника дворцового порядка.

– Он так замечательно объяснил, где вас можно найти, что и ночью безлунной, наверное, отыскали бы, – ележно хлопая глазками и усердно кивая, поддержала его Серафима.

– И ни слова лишнего – речь чеканная, как шаг на параде!левой-правой! Равняйся-мирно! Руби-коли! – старательно впелел и Кириан свой убежденный голос в хор спасателей.

– Он – настоящий воин! – хвалебным мажорным аккордом завершила речь защиты Эссельте.

– Угу... настоящий... – перекосило брюзгливо сотника, всем своим видом дающего понять, кто у них тут настоящий воин, а кто – верблюжья колючка прошлогодняя.

Но, оглянув сладким глазом северную принцессу, кокетливо обмахивающуюся пучком пальмовых листьев, Хабибулла лишь продемонстрировал исподтишка волосатый кулак Селиму, застывшему подобно деревянному истукану, и дискуссию на этом закрыл.

– А вообще-то, – заносчиво скрестил руки на груди и проговорил чародей, – мы прибыли сюда с другого конца Белого Света для того, чтобы встретиться с калифом Ахметом Гийядином по очень срочному и важному делу!

– Срочному? Важному?

Позабыв на время про притихшего, как мышь под веником, Селима, сотник окинул путешественников оценивающим взором, задумчиво пожевал длинный напомаженный ус, неспешно потер кулаком подбородок, потом шею, и, наконец, кивнул.

– Ну хорошо. Я провожу вас.

– К калифу? – доверчиво спросила Эссельте.

– К его превосходительству караул-баши. А уж он, если сочтет нужным, проведет вас к его великолепию визирю правой руки, – многозначительно и напыщенно выговорил сулейманин название высокого чудесного титула. – В это время они обычно изволят разбирать счетные книги на ковре у фонтана во внутреннем двореке центрального дворца. Они и решат, достаточно ли важное ваше дело, чтобы отвлекать от государственных вопросов самого пресветлого калифа, или лепешки коровьей не стоит. Летите за мной!

– Полетели?

– А-а-а!!!..

Начальник караула вдруг с ужасом почувствовал, что действительно взлетает. Но не успел он как следует включить звук, как оказался усаженным на ковер, а могучая рука, оторвавшая его от пола башни, уже отпустила ворот его бурнуса и успокаивающе, словно гвозди заколачивала, захлопала по спине, выбивая пыль и спесь.

– Закрой рот и показывай дорогу, настоящий воин.

Сосредоточенные стражники у дверей покоев калифа при виде визиря вытянулись по стойке «смирно», вскинули головы и ревностно прижали к плечам алебарды устрашающего вида.

– На данный момент его сиятельное величество пребывают во внутренних покоях, – легким наклоном головы визирь правой руки указал на дверь, изукрашенную инкрустацией из драгоценных пород дерева и слоновой кости. – Подождите здесь, в Агатовом зале, пока я о вас доложу.

– Конечно, подождем, не беспокойтесь, – дружелюбно улыбнулся Иванушка, и чиновник, одарив его странным взглядом, приоткрыл одну створку и юркнул внутрь.

– Мог бы и присесть предложить усталым путникам, – брюзгливо прокомментировал Кириан, оглядываясь в поисках скамеек или диванов, и находя лишь усыпанные подушками ковры на полу, да резной бортик изящного фонтана посреди зала. – Специально все стулья повыносили, что ли?

– Еще не насиделся? – фыркнул Агафон.

– Во народ... как спали вповалку, так бросили всё и уперлись куда-то... – осуждающе покачал головой отряг при виде живописного беспорядка. – Перед гостями бы постыдились...

– А лучше бы остались и попить чего-нибудь предложили. И побольше, – обмахиваясь шляпой и интенсивно потея, пробурчал волшебник. – Я уже седьмую фляжку выдул – и всё равно словно месяц ни капли во рту не было.

– От излишней выпитой жидкости потоотделение в такую жару только увеличивается, – поучительно сообщил Иван, утирая лицо, покрасневшее под южными лучами.

– Где бы ее еще взять – излишнюю... – скроил кислую мину маг.

– В фонтане великому магу на раз попить хватит? – с ехидной заботой предложил бард.

– Ах, в фонтане... В фонтане – хватит.

Чародей задумчивым взором, словно что-то подсчитывая,⁴ уставился на мраморную чашу фонтана, посредине которой отплясывала танец живота толстая, веселая и не менее мраморная рыба, потом закусил губу, прикрыл сверкнувшие хулиганскими искорками глаза и быстро зашевелил пальцами, лежащими на посохе.

⁴ Интересно, здесь больше трехсот литров, или меньше?

Сейчас я тебе устрою попить из фонтана, мучитель дудок...

Журчание воды резко прекратилось.

Друзья и стража ахнули.

Агафон насторожился слишком поздно. И поэтому могучий толчок Олафа отбросил его в дальний угол на подушки ошалелого, с закрытыми глазами и приоткрытым в произнесении незаконченного противозаклинания ртом. В то же мгновение сверху на него приземлились очумелые стражники и Сенька с Эссельте.

А на то место, где только что стоял маленький отряд, куда распахнулись вычурные двери – мечта любого дворца, и куда собирался поставить левую ногу визирь правой руки, с грохотом низверглась розовая чаша фонтана вместе с рыбой, ее постаментом и двенадцатью сотнями литров ледяной воды. Ударная волна цунами из воды и осколков мрамора накрыла рассыпавшихся вокруг путешественников, сбила с ног визиря и стремительным наводнением растеклась по мозаичному полу зала, смывая в импровизированные запруды подушки, ковры и оставленные придворными безделушки.

– Я так п-поняла... его калифство... нас ж-ждет?.. – царевна высунула голову из-под мокрого подола гвентянки и встретилась слегка расфокусированным взглядом с изумленно-укоризненным взором осевшего на порог визиря.

– Ж-ждет, – слабо кивнул тот, и с чувством выполненного долга обрушился без чувств на мокрый ковер покоев своего повелителя.

– Ему надо воды! – озабоченно отодвинул Кириана и вскочил Иванушка.

– Во дворе я видел фонтан... – приподнимаясь на карачки, любезно сообщил менестрель. Чем честно заработал полный кипящего яда взгляд его премудрия.

Его калифство и вправду их ждало.

Приподнявшись на локте на подушках, вытянув шею и напряженно сузив глаза, будто кроме прибывших с шумом и помпой гостей вокруг никого и духу не было,⁵ Ахмет Гийядин Амн-аль-Хасс производил впечатление человека то ли чем-то удивленного, то ли испуганного.

«С чего бы это?..» – рассеянно подумал Агафон.

– Здравствуйте, – Иванушка первым слегка поклонился.⁶

– Счастлив приветствовать пришельцев из столь дальних стран в нашем скромном жилище, – не гася настороженных огоньков в черных, как угольки, глазах проговорил калиф.

– «Которое после вашего отъезда, без сомнения, станет еще намного скромнее», – Сенька не удержалась и пробормотала себе под нос окончание фразы Ахмета, потерянное, по ее мнению, под пластами гостеприимства и просто хорошего воспитания любезного правителя Сулеймании.

Эссельте хихикнула.

– Мы рады, что наши непритязательные слова вызвали столь веселый смех со стороны девы, чья красота затмевает блеск всех бриллиантов Белого Света, а бездонные глаза способны посрамить и иссушить черной завистью даже полуденные волны Сулейманского моря, – галантно растянул в улыбке губы Ахмет, и взвод льстецов, подобно прибору упомянутого водоема, нестройно загомонил, наперебой восхваляя несомненный поэтический дар их повелителя.

⁵ В то время как вокруг него было духу дюжины танцовщиц, семерых музыкантов, шести опяхальщиков, пяти придворных льстецов правой руки, пяти придворных подхалимов левой руки, пяти придворных заспанных подпевал, четырех девушек, ответственных за очистку и вкладывание в монарший рот охлажденных фруктов, и три визиря – по одному на каждую руку и один просто великий.

⁶ Или просто втянул пристыженно голову в плечи при мысли об оставленном позади разгроме и потопе.

– Ахмет из рода Амн-аль-Хассов, как последний маг-хранитель, я тебя с полной ответственностью спрашиваю: когда ты будешь готов к отлету? – не стал церемониться и взял быка за рога раздраженный конфузом Агафон. – У тебя есть три часа на сборы.

– Три часа?!.. Три часа?! Но это невероятно, неслыханно, невообразимо, подобно цветочному горшку с крышкой, о суровый и воинственный чудесник!!! Помилосердуйте, какой может быть отлет через три часа, когда такие знатные путешественники – и великий и могучий чародей среди них – только что осчастливили своим присутствием нашу славную державу! Вы всенепременнейше должны отдохнуть с дороги под сенью фиговых пальм, под вкрадчивое журчание фонтанов, под сладкие звуки музыки и пения наших наилучших искусников и искусниц развлечений!

– Видели мы ваши пальмы, – отмахнулся презрительно Олаф, краснокожий, как абориген Диснейланда. – Точно фиговые: тени от них ни шиша. И мешкать нам некогда, Агафон прав. Время-то идет. Атланик-сити – не ближний свет. И чем скорее мы отсюда улетим – тем лучше. Хел горячий, а не страна...

– Атланик-сити?.. – растерянно захлопал густыми пушистыми ресницами Гийядин. – Атланик-сити, вы сказали?.. Но что нам, калифу благословенной Сулеймании, делать в этих варварских местах?!

– Тебе ничего делать не надо – всё будет сделано за тебя, – в жесте того, что в его понимании считалось успокоением и примирением, рыжий конунг вскинул огромные, как лопаты, ладони.

Иван исподтишка ткнул локтем в бронированный бок отряга, жестоко обгоревшего под безжалостным сулейманским солнцем, и поэтому не склонного к учтивому маневрированию и придворному политесу,⁷ и снова перехватил нить разговора:

– Я полагаю, господин визирь правой руки доложил вам о цели нашего путешествия?

– Д-да, – уклончиво ответил Ахмет, завозился на своем ковре и грузно присел, поджав под себя ноги. – Он это сделал.

– Тогда вы, без сомнения, понимаете, что дело наше и вправду чрезвычайно срочное, и не терпит отлагательств? – вежливо продолжил Иванушка.

– Дело?.. Ваше дело? Какое?.. Ах, вы об этом... деле!.. – Амн-аль-Хасс натянуто улыбнулся и закрутил пухлой кистью руки, словно отмахиваясь от назойливой мухи. – Премудрый Сулейман! Какие могут быть дела, когда вы едва успели ступить на землю нашего города! По закону гостеприимства Сулеймании в первый день прибытия гостей никакие разговоры о делах даже вестись не могут! Гость обязан отдохнуть, совершить омовение от дорожной пыли, вкусить с хозяином плодов его земли, испить молока белых верблюдиц, преклонить голову на мягких подушках лебяжьего пуха, отдавшись освежающему сну, и только на следующий день...

– Хороший обычай, – нетерпеливо кивнул Олаф. – Но мы не можем...

Эссельте, с ужасом увидев, как из-под ее пережаренного на солнце носика уходят и плоды земли, и отдых на самых настоящих постелях, и даже молоко белых верблюдиц, которое вряд ли могло быть хуже молока серых ослиц и черных буйволиц, которое предлагали им сплошь да рядом по пути сюда сулейманские трактирщики, срочно ухватила юного конунга за рукав и торопливо зашептала:

– Олаф, ты ничего не понимаешь в международном придворном этикете!

– Это точно! – раздулся от гордости отряг.

– А Сулеймания – дело тонкое! – округляя многозначительно глаза и поджимая губки, убежденно заговорила принцесса. – Калиф Ахмет Гийядин может обидеться на наше пре-

⁷ В смысле, склонного еще меньше, чем всегда. Простой график текущей склонности Олафа изображал бы прямую линию, резко уходящую в полностью отрицательную четверть координатной плоскости всемирной дипломатии.

небрежение местными обычаями! А нам с ним еще Гаурдака загонять обратно! Зачем расстраивать будущего боевого товарища из-за такого пустяка, как день-другой пребывания у него в гостях?

– Боевого? – скривился в невольной усмешке отряг. – Да я ему ничего острее перца сроду бы не доверил!

– Кроме умения владеть оружием, у человека может быть много других достоинств! – гордо выпятила грудь гвентянка.

– Д-да, – конунг сдался с первого взгляда без боя.

– Но время... – начал было возражать Иван.

– Один день – это ведь такая мелочь, Айвен, миленький! У нас же есть время!.. У нас ведь есть время? – оставив попытку уговорить лукоморца, она снова требовательно воззрилась на Олафа и Агафона.

– Н-ну... есть... – признал отряг.

– Крайне немного, – сурово подчеркнул маг.

– То есть достаточно, чтобы на день-другой спрятаться под крышей за шторами, нырнуть в фонтан и забыть, что такое солнце? – неожиданно пришла на помощь гвентянке Серафима. – Неужели никто из вас не клялся себе, что по возвращении домой год не будет выходить из тени, а питаться станет исключительно мороженым?

– Не клялся, – не задумываясь, покачал головой северянин.

И тут же признался:

– В голову не приходило...

– Но идея хорошая... – не так уж нехотя, как хотел изобразить, проговорил волшебник, и осторожно прикоснулся кончиками пальцев к покрасневшим и пылающим щекам и носу.

– Один день под вашей гостеприимной крышей, о благородный калиф Сулейманин, стоит десятка под вашим открытым небом, – склонился в галантном поклоне и комплименте Кириан.

– Сказано настоящим поэтом, – учтиво склонил набок голову в тяжелой чалме Ахмет.

– Оценено настоящим поэтом, – куртуазно вернул похвалу бард.

– Значит, мы остаемся? – радостно сверкнули глаза принцессы.

Остальные члены антигаурдаковской коалиции переглянулись и кивнули.

– Уговорила. Остаемся.

Гостеприимство калифа оправдало, и даже с огромным запасом превзошло все самые нахальные ожидания перегретых и пересушенных путников: омовения, роскошные чистые одежды, пышный пир за полночь – с музыкой, пением, танцами и с взводом персональных опахальщиц.⁸

А впечатлительную принцессу и бывалую царевну – одинаково, на этот раз – больше всего поразили ванны с разноцветной благоуханной водой – произведение старшего коллеги Агафона, молодого придворного мага, закончившего год назад с отличием ВыШиМыШи.⁹ Вне зависимости от того, какие телодвижения совершались купальщиком, в районе его головы вода и пена всегда были янтарные с изысканным ароматом ананаса и дыни, у груди – розовая – вишня, малина и земляника, а в ногах – желтовато-зеленая – яблоко и банан.

С наступлением глубокой темноты группа нейтрализации Гаурдака, больше уставшая от развлечений, назойливого внимания армии придворных и прислуги и бесплодных попыток завязать разговор про предстоящее путешествие, чем от пути по сулейманскому небу,

⁸ Что самое главное, как единодушно признали мужчины.

⁹ А значит, автоматически вызвали настолько активное неприятие его премудрия, что тот едва не отказался от умывания вовсе, заявив выпендренно, что подобное применение магического искусства недостойно настоящего волшебника, позорит доброе имя и умственные способности того, если они у него вообще когда-нибудь были, и что использовать магию для порчи хорошей чистой воды в угоду пошлым вкусам профанов и обывателей все равно, что забивать гвозди шкафом.

была препровождена в покои в Малом Круглом гостевом дворце в самом центре старого сада, да там и оставлена.¹⁰

Эссельте, как одинокая девица, получила отдельные апартаменты в первой трети разделенного на секторы дворца. Иван и Серафима – семейная пара – рядом. Оставшиеся апартаменты были отданы в безраздельное пользование холостякам.

Погасив прикроватные лампы, лукоморцы с блаженным удовольствием вытянулись на воздушной – без преувеличений – перине,¹¹ натянули покрывало и, не успев обменяться и парой слов, незаметно погрузились в сон.

Глубокий, но недолгий.

– Кттамходит?.. – рука Сеньки только метнулась к мечу, а заволоченные дремой глаза уже шарили по комнате в поисках цели.

– Это я...

– Ты? – меч вернулся в ножны, а рука с кольцом-кошкой вместо этого потянулась к огниву и лампе.

– Угу... – жалко кивнула Эссельте. – Я...

– Что случилось? – приподнялся на локтях Иванушка.

– Ничего... – расстроено и сконфуженно проговорила принцесса. – Извините, я вас разбудила, да?..

– Извиняем, разбудила, да, – вздохнула в ответ Серафима. – Так что, говоришь, там у тебя случилось?

– Да ничего не случилось! – словно защищаясь, вскинула голубые глаза на царевну Эссельте. – Просто... я заснуть не могу.

– Нам бы твои проблемы... – зевнула во весь рот Сенька и потерла ладонью порозовевшие ото сна щеки. – Может, тебе книжку дать какую-нибудь почитать? Вань, поройся в своем багаже...

– Да нет, вы меня неправильно поняли! – поспешно воскликнула гвентянка. – Спать я хочу, очень, но... мне страшно.

– Страшно? – снова подскочил Иван, готовый по одному слову жалобы бежать и сражаться.

– Да нет, даже не страшно... я неверно выразилась... – принцесса неуверенно пожала плечиками, обтянутыми голубым шелковым халатом. – Но как-то... не по себе. Мне постоянно кажется, будто по крыше надо мной кто-то ходит...

– По крыше? – тупо переспросила Сенька. – Но у нас ведь крыша куполом, я специально обратила внимание, когда сюда шли. Кто по ней может ходить? Летучие мыши? Совы?

– Не знаю... – на этот раз голос Эссельте прозвучал тихо и виновато. – Наверное, никто... это глупо, я понимаю... я сама эту крышу видела... Она круглая, как мячик... Но... Извините, я пойду...

– Ну уж нет, – решительно вздохнув, встала с постели Сенька. – Вань, ты как одну ночь без меня поспать? Не забоишься?

– А ты куда? – не понял спросонья лукоморец.

– А я к Эссельте перебираюсь – вдвоем бояться веселее! – подмигнула ему царевна, подхватила с полу меч и коллекцию метательных ножей, сунула ноги в курносые парчовые тапки и направилась к опешившей гвентянке. – Пошли, Селя. Если у тебя там такая же кровать, как у нас, то мы на ней все шестером поместились бы, а уж вдвоем-то как-нибудь до утра перекантуемся.

¹⁰ В покое.

¹¹ Еще одном творении сулейманского отличника шантоньского ВУЗа.

– Спасибо, Сима! – озарилось счастливой улыбкой лицо принцессы. – Я тебе очень благодарна! А то спать хочется – даже голова не соображает, а одной... жутковато...

– Ничего, бывает вдали от дома, – утешающее похлопала ее по руке царевна. – Это нервное. Ну вот сама подумай: чего нам тут, посреди калифского дворца, при такой толпе охраны и маге с красным дипломом, бояться?

– Нечего? – нерешительно предположила Эссельте.

– Правильно! – довольная понятливостью принцессы, воскликнула Серафима. – Поэтому пойдем досыпать и ни о чем не думать. А ты, Вань, дверь за нами закрой и сундуком подопри. И меч рядом с рукой положи. А лучше на себя ремень нацепи. И народ предупреди.

– О чем?

– Не знаю. Чтобы просто начеку были.

– Это еще зачем? – вытаращил глаза царевич.

– На всякий случай, – резко отбросила смешки и шуточки и очень серьезно проговорила Сенька. – Потому что самые большие пакости случаются именно тогда, когда их не ждешь.

Большая пакость подкралась, как это водится, незаметно.

Сначала пол под постелями трех холостяков, упившихся на пиру коварно-сладким тарабарским вином подобно трем пороссятам, еле слышно завибрировал.

Иванушка, после отбытия супруги добросовестно пошедший предупреждать друзей непонятно о чем, да так с ними и оставшийся, в полусне приподнял голову и чуть приоткрыл глаза.

Что это? Где-то невдалеке скачет конница? Идет тяжело нагруженный караван? Ремонтные работы? Или приснилось?..

Он замер, затаив дыхание, положил руку на рукоять меча и чутко прислушался.

Всё было спокойно.

Шелестел за окнами листвою залитый луной сад, томно высвистывала шлягер этого лета романтично настроенная птичка, наперебой, но монотонно скворчали цикады...

Пол...

Пол был на месте, и вел свою тихую половую жизнь, исполнительно оставаясь на месте, выбранном для него однажды архитектором – внизу, под коврами, ровный, мраморный, надежный и неподвижный.

Почудилось?

Скорее всего...

Умеет всё-таки Сеня напугать, тень на плетень навести... Иди туда, не знаю куда, бойся того, не знаю чего... Хорошо еще, что хоть ребят не разбудил – а то объясняй им как дурак, что, да почему, да по какому случаю... Что мы – правителя Сулеймании первый день знаем? Чего его бояться?.. Станный он какой-то, конечно, но так кто из нас не странный? «Норма – это аномалия, поразившая большинство», сказал однажды Бруно Багинотский... если ничего не путаю... Кстати, хорошо, что калиф Ахмет нас не узнал. А то неловко бы было... как-то... перед ним... мне, по крайней мере... за прошлое лето. Ну да ладно... прошло и прошло...

Иван вздохнул сонно, перевернулся на другой бок, подсунув под голову пару ускользнувших было от исполнения обязанностей пухлых подушечек, в изобилии водившихся на устланном коврами полу, недовольно поправил ткнувшийся под ребра рукоятью меча и снова заснул – быстро и без сновидений.

И так и не услышал, как через несколько минут на него одновременно с новым подземным толчком упала часть потолка.

– ...что это, что это, что это, что?!..

– Хель и преисподняя!!!..

– Землетрясение!!!..

- Агафон?.. Агафон, ты где?!..
- Масдай, где Масдай?!..
- Ай!!!..
- Здесь, под колонной!!!..
- Берегись!!!..

Очередной кусок потолка, повисший было на арматуре, под новый толчок с грохотом и треском обрушился вниз, дробя деревянные помосты и обдавая Олафа и Кириана, мечущихся под градом осыпающихся камней и лепнины в поисках друга и ковра.

– Масдай, я ид... Гайново седалище!!! – растянулся бард на полу, усыпанном фрагментами сулейманской архитектуры, разными по размеру, но одинаковыми по наносимым телесным повреждениям, и вдруг ощутил под щекой что-то мягкое и теплое.

- Агафон? – испуганно и быстро зашарил он руками по находке. – Живой?..
- Живой?..
- Не знаю! Сюда, скорее!!!..

Отряг поднатужился, яростно крикнув, выдернул из-под резной капители Масдая и с проклятьем повалился на спину: земля снова вздыбилась у него под ногами, словно загорбок раненого кита, и часть стены, отделявшей их апартаменты от сада, хрустнула, надломилась посередине, будто плитка шоколада, и с оглушительным грохотом обрушилась внутрь, поднимая плотные клубы пыли.

– Олаф, помоги!!!.. – откуда-то из непроглядной мглы пронзительный вопль мене-стреля взвился стрелой к ночному сулейманскому небу. – Помоги мне!!!..

– Х-хел горячий... – скрипя зубами от боли в спине, пересчитавшей все осколки и обломки, взревел конунг, вскочил и, прикрываясь рукой и Масдаем от камнепада с умирающего потолка, бросился на голос.

– Ты где? Ты где? Ты где?..

– Мне плечо зашибло... – неожиданно простонал Кириан прямо у него под ногами, и отряг едва не свалился, изгибаясь и балансируя, чтобы не наступить на товарища. – Тут...

Олаф бросил Масдая на усеянный битым камнем пол и стал раскидывать груды битого камня и штукатурки с неподвижного тела.

– Давай, малый, давай, кабуча, держись...

Лунный свет сквозь остатки изуродованной крыши упал на лицо раненого, и Олаф ахнул.

– Иван?!.. Откуда...

Рядом шевельнулся Кириан:

– Сиххё его знает, откуда он тут! Молчит!

– А где Серафима? Эссельте?

Ответа не было.

Очередная судорога земли бросила его на обсыпанного камнями Масдая, отшвырнула поэта кубарем в сторону, и низвергла рядом с ним с ужасающим грохотом стену, разделявшую покой.

– Олаф, здесь еще!.. – донесся справа, почти сливаясь с рокотом следующего подземного толчка, звенящий на грани истерики голос гвентянина, но грохот оставшегося без опоры потолка, беспорядочной лавиной камня устремившегося к земле, напрочь заглушил последние слова.

– Масдай, ищи его!!! – проревел северянин, и ковер, словно очнувшись от шока, взвился вверх и стрелой метнулся туда, где несколько мгновений назад оборвался отчаянный крик.

– Здесь!!! – остановился он так резко, что конунг свалился на бок и едва не перелетел через край вверх тормашками.

Ухватить и бросить на ковер поочередно скулящего от ужаса Кириана и обнаруженного им человека было для мощного воина делом пары секунд.

– Масдай, к Серафиме и Эссельте!!! – давясь и задыхаясь от вездесущей каменной пыли, пропитавшей, казалось, самый воздух, выкрикнул отряг...

Но было поздно. Новый толчок, пришедший, казалось, из самых недр земли, потряс смертельно раненый дворец, и остатки стен его и потолка, доселе мужественно сражавшихся против неистовой стихии, не выдержали.

Стремительно расширяющиеся молнии-трещины змеями пробежали по стенам, вгрызлись и раскололи располовиненный потолок и надтреснутый купол, и печальные останки прекрасного и гордого некогда дворца с потрясающим подлунные устои грохотом рухнули наземь в туче пыли и обломков.

– Серафима!!!.. Эссельте!!!.. Люди!!!.. – бессильно сжимая кулаки, Олаф взвыл раненым зверем на серебристое око луны, равнодушно вззирающее на апокалипсис, и осекся.

В саду, у фонтана, метрах в двадцати от безмолвных и неподвижных теперь руин, безжалостно похоронивших под собой двух спящих девушек, в свете надменной холодной луны он увидел знакомую фигуру.

– Калиф?..

Масдай, не дожидаясь команды, рванул к нему.

– Калиф, Ахмет! – конунг, потрясенный и оглушенный внезапностью ночного ужаса, умоляюще выкрикнул и махнул за спину рукой. – Скорее, срочно! Поднимай людей! Там оста...

Добродушно-мечтательное лицо правителя Сулеймании исказила лукавая усмешка. Не говоря ни слова, он поднял руку, погрозил игриво ошарашенному отрягу пухлым, усаженным перстнями пальцем и шутливо дунул в его сторону.

Подобно безмолвному взрыву вырвался шквал из покойного ночного воздуха, напоенного головокружительным ароматом цветов, и стальным кулаком ударил Масдая в брюхо. Застигнутые врасплох конунг и менестрель повалились на шершавую спину Масдая, покатались к краю, хватаясь рефлекторно друг за друга и за раненых, и только головоломный маневр ковра спас всех четверых от скорой встречи с сулейманской землей.

Ахмет тихо засмеялся, и через секунду новый порыв штормового ветра подбросил еле успевшего выровняться Масдая и его пассажиров словно на батуте, и еще раз, и еще...

– Хелово отродье, варгов выкидыш!!!..

Олаф вцепился одной рукой в передний край ковра, другой – в плечо бесчувственного Ивана. В иванову ногу сведенными в судороге пальцами впился Кириан что было небогатых поэтических сил, зажимая отчаянно в кольцо другой руки талию обмякшего и неподвижного Агафона. Ноги самого барда при этом панически дрыгались в воздухе в бесплодных поисках точки опоры.

Новый ураганный порыв отшвырнул Масдая, словно сухой листок, к испуганно притихшему саду, и только спружинившие верхушки персиковых деревьев спасли всех пятерых от крушения.

– Я так долго не выдержу!!!.. – отчаянно проорал бард и прикусил язык, с ужасом почувствовав, как медленно, словно признав вырвавшиеся слова за официальную капитуляцию, разжимаются пальцы, удерживающие иванову лодыжку, и как неспешно, миллиметр за миллиметром, сам он начинает сползать вниз.

Хищный ветер тем временем снова набух над головой калифа в переливающийся ночью черный бутон и накинудся на растерянно зависший над садом ковер.

– Ай-й-й-й-й-й!.. – вскрикнул менестрель, с ужасом ощущая, что из всей ивановой ноги в его пальцах осталась только штанина.

– Держись!.. – не столько сердито, сколько испуганно рывкнул отряг.

– Не могу!.. – истерично пискнул гвентянин.

Штанина треснула.

– Держись, слабак!!!..

– А-а-а-а-а!!!..

– Если ты свалишься, я тебя...

Масдай едва увернулся от свежего сгустка разъяренного воздуха, просвистевшего на расстоянии вытянутой кириановой ноги, и рванулся прочь.

– Вернись!!! Там Эссельте и Серафима!!! – позабыв про висящего между небом и землей барда, яростно выкрикнул Олаф, и только остатки здравого смысла не позволили ему разжать пальцы, чтобы стукнуть по коврику кулаком.

– Если я вернусь, там останемся еще и мы! – возмущенно прошипел Масдай. Неожиданный вираж, едва не стряхнувший Кириана с грузом на алебарду застывшего внизу стражника, спас их от нового порыва убийственного ветра – но лишь едва.

– Масдай, вернись! Вернись!!!.. – угрожающе проревел конунг, но воздействие его вопль возымел прямо противоположное.

– А идите вы все к ифритовой бабушке!!!..

И ковер изо всей мочи, преследуемый по пятам голодными, неистово завывающими ветрами, устремился прочь – не куда, но откуда, подальше от этого проклятого места, от этого распавшегося на свирепые куски шторма и весело хохочущего за их спинами жуткого человека. Последний порыв ветра, перед тем как стихнуть – уже над городом – донес его прощальные слова:

– ...если вы осмелитесь еще раз показаться у меня во дворце, ваши головы присоединятся у главных ворот к невытой башке этого болвана, возомнившего, что может мне указывать!..

– Это б-было... «п-прощайте»?.. – дрожащими губами выговорил гвентянин.

– Это было «до скорого свидания», – яростно скрипнув зубами, прорычал Олаф, исступленно стискивая огромные, покрытые ссадинами и синяками кулаки. – Клянусь Рагнароком, Мьёлниром и Аос, что сдохну, но не уйду из этой страны, пока не отомщу за смерть Серафимы и Эссельте! На куски изрублю, руками разорву, зубами загрызу – дай только приблизиться к нему!!! И плевать мне, что он колдун! Хоть сто колдунов! Хоть тысяча! Хоть сам Гаурдак!!!.. Землетрясение было его рук делом, веслу теперь понятно! Эх, как мы его раньше не раскусили!.. Растяпы доверчивые... Олухи... Болваны лопухие! Песни-пляски-аплесины... Гости-дружба-пироги... Мерзкий, приторный, двуличный, лживый слизняк с душонкой черной, как ногти Хель!..

– А, может, они живы? – скорее для полемики, чем из хоть какой-нибудь надежды спросил менестрель, прервав пылкий, но несвязный поток сознания безутешного отряга.

– Живы? – прекратив поиск подходящих для такого случая и такого человека проклятий, тот понурил рыжую голову и подавленно усмехнулся. – Живы... В этом Хеле горячем их спасти разве чудо могло... Ты веришь в чудеса, Кириан?

Менестрель прикусил вертящийся на языке ехидный ответ, задумался и медленно, будто нехотя, кивнул.

– Д-да. Верю. В добрые чудеса, Олаф. И иногда они даже происходят с теми, кто нам действительно дорог. Только редко...

– Тогда им самая пора произойти сейчас, – мрачно подытожил конунг и торопливо перенес внимание на двух всё еще не подающих признаки жизни друзей.

– Ну так что, люди-человеки? – ворчливо и устало вклинился Масдай в незаметно сходящий на нет разговор. – Куда теперь прикажете?

– А ты нуждаешься в наших приказаниях? – угрюмо хмыкнул конунг.

– Нет, конечно, – язвительно ответил пыльный шершавый голос, – но я получил хорошее воспитание, и оно мне диктует перед тем, как лететь, куда я хочу, сначала поинтересоваться, куда вам надо. Может, нам по пути.

– И куда тебе сейчас по пути? – уныло спросил гвентянин.

– Знаю я тут одно тихое славное местечко...

И ковер, не вдаваясь в подробности – не в последнюю очередь потому, что понимал, что пока его пассажирам не до них и даже не до него, направился туда, куда обещал.

Олаф же опустился на колени и склонился над неподвижными товарищами, при свете кособокой апатичной луны то ощупывая одного, то осматривая другого, то растерянно кусая губы, кряхтя и пожимая плечами, потому что курс молодого бойца Отрягии никакой скорой помощи на поле боя, кроме умения быстро отрубить конечность, укушенную ядовитым морским выползнем, не включал отродясь.

А в это время над крышами, переулками, площадями и двориками безмятежно спящего Шатт-аль-Шейха вместе со стремительным, одобрительно похмыкивающим в такт Масдаем неслась гневная Кирианова декламация:

Еще не видел Белый Свет
Такого наглого бесчинства!
Наказан должен быть Ахмет,
Поправший долг гостеприимства!
Ничтожный, жалкий лицемер!
Сын вероломства и обмана!
Вот комплекс неотложных мер
По наказанию тирана:
Казнить, повесить, сжечь мерзавца!
Четвертовать! Колесовать!
А если будет огрызаться,
По вые толстой надавать!
Отрезать уши! Дать сто палок
По мягким и другим местам!
Навечно занести в каталог
Негодных для туризма стран!
Сослать в Чупецк, лишить наложниц,
В законных жен их превратить!
И с помощью садовых ножниц,
Мужского естества лишить!
Я на твоей спляшу могиле,
Твоих костей услышу хруст,
Вдохну всей грудью запах гнили,
Пущу твой прах по ветру пылью,
Клянусь, не будь я Златоуст!..¹²

* * *

Когда по полу гостевого дворца пошла первая дрожь, девушки еще не спали.

¹² Здесь и далее Кириана Златоуста «озвучивал» стихами Дмитрий Касич.

Навалившись на взбитые подушки, они лежали, укрывшись одним покрывалом, и разговаривали.

Говорили недавние соперницы, а теперь боевые подруги, про многое: про любимых мужчин, про родителей и друзей, про детство и юность, про свои страны, далекие, невообразимые и экзотические в глазах друг друга, про путешествия, приключения, про придворный этикет и его нелепые ограничения, про стихи, поэтов, и про то, как славно было бы, если бы принцессам позволялось открыто изучать медицину...

Как и Иванушка, Сенька и Эссельте сначала подумали, что колебание земли им почудилось, или кто-то где-то недалеко разгружал с возов или верблюдов каравана что-то очень тяжелое. И, как и Иванушку, второй толчок – неожиданно мощный и резкий – застал их врасплох.

С хрунувшего опорами потолка посыпались на их головы и на кровать, подпрыгнувшую нервной лошадей, куски штукатурки и лепнины, и обе особы царской крови после секундного замешательства бросились к двери – спасаться самим и спасти других.

Дверь была заперта снаружи.

Несколько раз сыплющая отборными проклятиями царевна наскакивала с разбегу плечом на оказавшуюся неожиданно такой несговорчивой дверь, но без толку. Четвертый ее разгон был прерван в самом начале мыслью вернуться к их ложу, захватить прикроватный столик и использовать его в роли тарана. Но пока Серафима примеривалась, куда бы эффективнее приложить вектор силы инкрустированной столешницы, помятая своим более чем активным вокабуляром все природные катаклизмы на Белом Свете, новый толчок потряс комнату... И поперек дверного проема, туда, где царевна в обнимку с шедевром сулейманского краснодеревщика предстала бы через пару мгновений, с грохотом обрушились две колонны и большая часть потолка. Так оказалась спасенной сенькина жизнь, но намертво заблокирована единственная дверь.

Что, по здравому рассуждению, делало теперешнее спасение сенькиной жизни явлением крайне временным и еще более крайне бессмысленным.

Из состояния огорошенного ступора Серафиму вывела трясущаяся от ужаса Эссельте: оба окна забраны частыми коваными решетками, ни снять, ни выдернуть которые она не смогла, да еще это землетрясение, да камни на голову и плечи, да руки трясутся не хуже любой земли...

– Не волнуйся. Сейчас потолок и стены обвалятся окончательно, – с истеричной жизнерадостностью предположила в ответ царевна, – и мы сможем спокойно через них перелезть и выбраться наружу.

Удариться в такой же истеричный смех сквозь рыдания принцессе не позволил лишь новый толчок, расколовший пол у нее под ногами, и вместо нервного хихиканья у ней успел вырваться лишь короткий взвизг.

Тонкие пальцы ее чудом вцепились в рваный край повисшего над расселиной ковра и крик резко оборвался, перейдя в нервные всхлипы и умоляющие междометия. Спасая подругу перед лицом неизвестной опасности, чтобы вернуть ее в опасность известную, Сенька отшвырнула стол, бросилась на живот, схватила Эссельте за руку, дернула что было сил... И сама загремела вниз головой в разверзшийся проем, столкнутая очередной конвульсией взбеленнейшей земли.

В следующий момент поглотившая их трещина была закрыта сверху куполом, с оглушительным грохотом обрушившимся на пол, усеянный осколками и обломками былой роскоши. А летящие куда-то под откос чего-то девушки прокатились кубарем еще несколько десятков метров, пересчитывая по пути руками, ногами, ребрами и головами все ступеньки, зазевавшихся крыс и провалившиеся сверху куски покойных покоев и остановились в пол-

ной темноте и тотальной дезориентации, только налетев на резко изменившуюся направление стену.

К этому времени толчки прекратились так же внезапно, как и начались, земля утихомирилась, и можно было с чувством, с толком и с расстановкой сесть, разобрать, где чьи конечности, синяки и шишки, и начать по-настоящему беспокоиться о своих спутниках и о себе.

– Как ты думаешь, они успели спастись? – с замиранием сердца и дрожью в голосе тихо спросила царевну Эссельте.

– Д-должны... – угрюмо выдавила та, хотела сказать еще что-то, но на этом голос сорвался, и она до крови прикусила губу.

«Ваня, Ваня, Ваня, Ваня, Ваня...» – дернулась и запульсировала болью рана, и ледяная пелена, откуда ни возьмись, предательски развернулась из области желудка, липким саваном опутала все внутренности, сковала могильным холодом руки и ноги и хмельным поминальным вином бросилась в голову.

– Ваня, Ваня, Ваня, Ваня, Ваня... – как в бреду, в такт боли – не в прокушенной губе, в душе – зашептала Сенька, давя зарождающиеся в горле спазмы рыданий и стискивая кулаки так, что ногти впивались в покрытые грязью и мраморной пылью ладони. – Ваня...

– Симочка, милая... ты только не расстраивайся... – прикоснулись бережно к ее боку испарянные теплые руки принцессы, наощупь нашли плечи, и обняли подругу, прижимая к груди. – Я, конечно, всё понимаю! Если бы там был мой Друстан, я бы уже с ума сошла, наверное!.. Но... ты только не плачь, миленькая... только не плачь! Они обязательно все выбрались!.. Обязательно-преобязательно!.. Я в этом ну на сто процентов вот уверена! У них же был Масдай, ты подумай, Сима! Масдай – это ведь такая лапушка! Такая умничка! Такое чудо! И когда вся эта свистопляска началась, они просто все сели на него, и улетели!.. Ну конечно! Как я раньше не догадалась!.. Погрузили Олафа и Кириана, и р-р-раз!.. – взмыли в чистое небо!.. И пусть там хоть всё перевернется вверх ногами в этом Шатт-аль-Шейхе!..

– Был... да... – подавленно и послушно кивнула царевна, не понимая в действительности и половины из того, что говорила ей подруга. – Они обязательно... все выбрались... да...

– ...и теперь наверняка ищут нас... – додумала вслух свою мысль до конца и неожиданно понурилась гвентянка, словно огонек под ветром. – Думают, наверное, что мы... что нас... что это не они, а мы... Представляешь? Мы тут думаем про них, что они... а они – то же самое – про нас. И Айвен твой тоже... вот точно так же... представляешь? Как странно... как обидно... как нелепо... Правда, Сим?

– К-кабуча... – сквозь зубы выругалась Сенька, встрепенулась, подобно боксеру, подходящему в себя после нокдауна, и расправила плечи, снова готовая к труду и обороне, а больше всего, к нападению и снятию скальпов. – Кабуча габата апача дрендец!!

– О чем это ты? – неуверенно заглянула ей в лицо Эссельте.¹³

– О том уроде, который закрыл нашу дверь снаружи, вот о чем! – гневно прорычала Серафима и яростно зыркнула по сторонам, словно пресловутый урод только и поджидал за углом, чтобы быть застуканным на месте преступления и подвергнутым заслуженному остракизму слева в челюсть десять раз.

– Но кто это был?

– Узнаю – убью, – от всей души пообещала Сенька, с чувством выполненного долга поднялась на ноги, проверила так предусмотрительно и надежно закрепленные на предплечьях метательные ножи – единственное оставшееся у нее оружие, покрутила на пальце, сти-

¹³ А вернее, в ту сторону, где, судя по звукам голоса, лицо лукоморской царевны находилось – полную и абсолютную тьму потайного коридора дворца не нарушал ни единый лучик света.

рая пыль и грязь, кольцо-кошку, позволяющее видеть ей в любой темноте, взяла за руки принцессу и осторожно поставила на ноги. – Пошли, Селя.

– Куда?

– Придем – узнаем, – резонно проговорила царица и положила руку принцессы себе на плечо. – Держись за меня. Не пропадешь.

Первые метров тридцать-сорок царица шла осторожно, внимательно глядя то под ноги, то на стены, то на потолок, через каждый шаг останавливаясь и ощупывая казавшиеся ей подозрительными фрагменты кладки или исследуя пальцами щели в холодном каменном полу.

– Ты что-то ищешь? – не выдержала бесконечных таинственных остановок и любопытствовала Эссельте. – Что? Может, я могу помочь?

– Это вряд ли... – хмуро и недоуменно, скорее, для себя, чем отвечая на вопрос подруги, протянула Сенька. – Я ищу следы землетрясения.

– Ну это-то как раз просто! – с облегчением, что загадочное поведение Серафимы объяснилось так банально, довольно проговорила принцесса. – Я полагаю, после землетрясения в подземных ходах должны остаться завалы, расселины... ну еще там завалы... всякие...

– Угу, должны, – согласно кивнула царица и перевела невидимый в темноте взгляд на спутницу. – Только почему-то не остались.

– Да?..

– Да. Судя по тому, как нас трясло, в руинах должна лежать половина города, если не половина страны. Так?

– Н-ну так... – неуверенно согласилась Эссельте, с землетрясениями до сих пор встречавшаяся только в книжках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.